

Он чертовски красив, этот остров. Пальмы. Роци. Куци. Лошади и собаки ходят стадами. А коты настолько умны, что царапают на песке философские трактаты. Среди флоро-фаунового изобилия разгуливает только один человек с легким восточным акцентом и в черно-красной ковбойке. Но он не утруждает себя особыми разговорами с парнокопытными и млекопитающими. Не потому, что одичал, а потому, что без слов они изумительно понимают друг друга. Как назывался этот остров? Впрочем, об этом я его еще спрошу.

Встреча первая

— Армен Борисович, давайте для разминки — блиц-интервью «да — нет». Вы дадите взаимно?

- Нет.
- Вам свойственна восточная щедрость?
- Не знаю.
- Если бы я оказался в вашем доме и что-то похвалили, то вы поступили бы согласно восточному обычаю «что гость похвалит — отдай»?
- Думаю, что нет.
- Последний вопрос: я могу рассчитывать на вашу откровенность?
- Да.

— В свое время вас не приняли в ГИТИС из-за акцента. Но вы, как мне кажется, и не пытались от него избавиться.

— И не избавился. Произошла некоторая трансформация: когда я что-то завоевал в искусстве или чем-то стал, то сказали, что это индивидуальность, это манера. А тогда считали акцентом.

— А когда вы почувствовали, что что-то завоевали и Джигарханян стал Джигарханяном?

— Если вы от меня потребовали откровенность, то не считайте мои слова кокетством. Я до сих пор еще не знаю, сделал ли я то, что должен был сделать. Я говорю об этом совершенно честно и хотел бы, чтобы вы в это поверили. Не поверите — ваши проблемы. Мне все время кажется, что меня еще что-то ждет. Не «Ника», «Оскар»-шмоскар — это такая хорошая минутная игрушка, — а то, чего я не знаю. Особенно из области чувств. Не из области информации (с каждым годом это для меня становится все менее важным), а из области чувств.

— Чувств... Мне кажется, вы многое проходили уже.

— Вы думаете, я говорю о любви? Не хочу верить, что вы так наивны. Разговор идет не о комплексе чувств, а о том, что я переживу по поводу... вот букетика ландышей. Я много извлек замечательных чувств. Я даже не боюсь взглянуть: я счастливую жизнь прожил. И в жизни, и в искусстве были свои перипетии и трагедии, свой космос, о котором, я не знаю, расскажу когда-нибудь или нет.

— Интригуете?

— Никакой интриги. Может быть, когда это обнаружится, то выяснится, что оно элементарно. Знаете, я вам могу сказать другое. Очевидно, понятие «дыры», «черные дыры» (переходит на шепот), имеет под собой почву. Очевидно, есть вихреобразность жизни человека. Ребенком на всю жизнь я запомнил один момент в фильме «Руслан и Людмила». Это когда во время свадьбы ветер ворвался и унесся. Все осталось на прежнем месте, только Людмила не было. Я думаю — это не только фантазия.

— Да вы философ...?

— Какой философ-шмилософ... У меня есть кот, который для меня большой философ. Он ничего не говорит. «Как ты выглядишь сегодня чудно», — и бросается на меня. Лезет по мне. Это невероятно трудно, но я очень хотел бы упростить свою жизнь до природы, ясности, инстинктов. Как замечательно, когда есть ясность во всем.

— Значит, не любите, когда лапшу на уши вешают?

— Нет, нет (повторяет шесть раз). Не далее как вчера я был у одного богатого человека. Мы просили о помощи в одном деле. Он сказал, что он помогает: дает статуэтки и доллары притом. А я сказал ему: «Вы пытаетесь при абсолютно плохом двигателе (я автомобилист), ну очень плохом — клапана, все полетело! — залить его американским маслом и заправить шведским бензином. Это как минимум наив, если не сказать больше — преступно. Потому что движок этот взорвется. Вот и все».

— А к чему вы это говорите, Армен Борисович?

— Я вам скажу. Священник приходит к прихожанам с Господом Богом. Говорит с ними от имени Господа Бога, а их жалобы передает Ему. Если священник явится к своим прихожанам с теми деньгами, какие получает за приход, это раздражит прихожан. Артист, режиссер, имеют право на бабочку, шампанское, презентационную музентацию, но тогда, когда он уже пришел с искусством, взбудоражил меня, обывателя. А он пришел ко мне не с искусством, а с бабочкой и с шампанским. А дома у меня только сыр или плавленый сырок. Это игры для самих себя, которые могут вызвать плохую реакцию соседа с топором в руках.

— Поэтому Джигарханяна редко можно встретить на фуршетах и презентациях?

— По самой примитивной причине — неинтересно. Я изначально думал: «Надо пойти, может быть, я ошибаюсь». Нет. Через две минуты тоска охватывает, и я жалею, что пришел, потому что по поводу этого человека (которого увидел

на тусовке) я хочу жить с обманом. Вот на расстоянии он хорошо смотрится. А как только близко — бе...

— Вы все время играете героев — в театре, на сцене. А не хотелось бы разнообразить палитру? Ну, например, слабака сыграть.

— Пока такой проблемы нет, чтобы я подумал: «Мне надо сильнее сыграть». Мне дают роль. Роль надо присвоить себе и совместить с собой, чтобы выдать узнаваемую информацию. Не знаю.

— А как вы находите внутри себя согласие с такими мерзавцами рода человеческого, как Нерон (спектакль «Театр времен Нерона и Сенеки»), как Фуше (последняя работа в спектакле «Ужин»)?

— Я не согласен, что это мерзавцы. Я думаю иначе. Я думаю, что дело в нас самих. И в этом смысле Вильям Шекспир был прав, написав пьесу на все времена — «Король Лир», где каждый человек сам создает свой ад. И если этот человек наделен властью, то он создает ад вокруг себя. Скажем, если я живу в этой семье, в этом доме, в этом микрорайоне и городе, значит...

— Каждый из нас Нерон?

— Да, если он поставлен в такие обстоятельства. Вот вы имели когда-нибудь абсолютную власть?

— Даже никогда не стремилась.

— Я тоже. И я не могу ответить честно, что

со мной произойдет, если я получу такую власть. И никто не может ругаться за себя.

— Ну а принципы?

— Это то, что мы записали. Но когда на вас наваливается такая громада, власть, я имею в виду... Вы помните этот анекдот: «Как надо вести себя, когда на вас упадет атомная бомба? Надо накрыться белой простыней и медленно ползти к кладбищу».

— А медленно почему?

— Чтобы паники не было... Я пять дней прожил так (меня возили, кормили, ублажали), что почва пошатнулась. Я это почувствовал.

— Где и когда это произошло?

— Неважно, неважно. Я был на другом уровне власти. А сейчас я иду на вокзал (встает, показывает), засовываю голову в окошко кассира (неестественно улыбается): «Узнали? Узнали! Есть билеты?»

— Можете, и было в истории человечества трое-пятеро людей, кого это не коснулось — искушение властью. А если кричат: «Я не хочу благ, я за народ, я депутат», — это уже все, попал в капкан. Вот я с собой всегда ношу одно стихотворение Пушкина (достаёт из бумажника вырванный из книжки листок, читает).

Недорого ценю я громкие права, От коих не одна кружится голова... Вот-вот, слушайте дальше: ... Бог с ними. Никому Отчета не давать, себе лишь самому Служить и угождать; для власти, для ливреи Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

Значит, для великого это тоже была проблема.

А это кот мой, Фил (голос меняется и теплеет, когда из бумажника А. Б. достаёт фотографию своего любимца).

— В бумажнике обычно носят фотографии самых близких.

— Выводите на лирическую тему? Лучше о профессии.

— Извольте. Играя политиков на сцене, вы сравниваете их с нашими?

— Нет, нет. Я очень просто думаю об этом обо всем. Очень плохой театр, очень плохие артисты, грубые. Чем грубее, тем доступнее. Вот у Брехта была сказка (у нас до сих пор она не переведена). Там один король каждый день что-то приказывал, и были люди, которые назывались «оправдателями». Они кричали: «Как гениально, как умно!» Понимаете, откуда это идет?

— Я помню, в воспоминаниях великого русского актера Остужева прочла, как он на сцене плакал натуральными слезами в финале: так вошел в образ. Скажите, вы испытывали нечто подобное?

— В театре таких легенд много ходит. Помоему, это шаманство. Потому что актерская профессия предполагает очень холодную голову. Артист — почти как спортсмен, который должен попасть точно. Я — не плакал.

— Что для вас лично входит в набор НЧК?

— Чтобы машина, на которой я езжу, не пыркала-шмыркала-фыркала. Это чистый хороший туалет, который пахнет хорошо или не пахнет плохо. Обувь удобная, мягкая такая.

— А вы можете позволить себе что-то экстравагантное?

— Экстравагантное отменяется. Если даже во мне просыпается нечто подобное, думаю, что

ант. Я говорю: «Вы меня пригласили, значит, я вам нравлюсь. В вашей картине я должен сесть два раза на лошадь, три раза переплыть что-то, прыгнуть с чего-то. Сколько вы наметили?» «Вот столько», — говорит. «Ну, давайте». А если говорят: «Наметили пять рублей», — «Ну, тогда давайте бесплатно».

Я нисколько не кокетничаю. Я говорил, говорю и буду говорить: «Я люблю деньги, потому что они как-то украшают чуточку мою жизнь. Я хочу уважительно к себе относиться. Хорошие сигареты курить». Может, кому-то удавалось жить в бочке, сохранив уважение к себе. Но я ... Быт, мне важен быт. Нормальный человеческий комфорт. НЧК.

— А вы можете позволить себе что-то экстравагантное?

— Экстравагантное отменяется. Если даже во мне просыпается нечто подобное, думаю, что

ант. Я говорю: «Вы меня пригласили, значит, я вам нравлюсь. В вашей картине я должен сесть два раза на лошадь, три раза переплыть что-то, прыгнуть с чего-то. Сколько вы наметили?» «Вот столько», — говорит. «Ну, давайте». А если говорят: «Наметили пять рублей», — «Ну, тогда давайте бесплатно».

Я нисколько не кокетничаю. Я говорил, говорю и буду говорить: «Я люблю деньги, потому что они как-то украшают чуточку мою жизнь. Я хочу уважительно к себе относиться. Хорошие сигареты курить». Может, кому-то удавалось жить в бочке, сохранив уважение к себе. Но я ... Быт, мне важен быт. Нормальный человеческий комфорт. НЧК.

— А вы можете позволить себе что-то экстравагантное?

— Экстравагантное отменяется. Если даже во мне просыпается нечто подобное, думаю, что

ант. Я говорю: «Вы меня пригласили, значит, я вам нравлюсь. В вашей картине я должен сесть два раза на лошадь, три раза переплыть что-то, прыгнуть с чего-то. Сколько вы наметили?» «Вот столько», — говорит. «Ну, давайте». А если говорят: «Наметили пять рублей», — «Ну, тогда давайте бесплатно».

Я нисколько не кокетничаю. Я говорил, говорю и буду говорить: «Я люблю деньги, потому что они как-то украшают чуточку мою жизнь. Я хочу уважительно к себе относиться. Хорошие сигареты курить». Может, кому-то удавалось жить в бочке, сохранив уважение к себе. Но я ... Быт, мне важен быт. Нормальный человеческий комфорт. НЧК.

— Нормально, спасибо. Не более.

— Тогда еще маленький блиц «да — нет». Это правда, что после каждого спектакля, как ритуал, вы съедаете тарелку борща?

— Нет.

— У вас есть друзья в театре?

— Мало.

— Вы торгуетесь из-за денег в кино?

— Нет.

— Я могу рассчитывать на вашу откровенность?

— Боюсь, что да.

7.07.94.

— А действительно, почему вы не торгуетесь в кино? Потому, что Джигарханяну мало не предложат?

— Если серьезно, то я считаю, что торговаться можно тогда, если ты знаешь цену чему-то. В данном случае себе. Я не знаю. Я к этому не приучен. Ведь цена складывается не из моего воображения, а из каких-то очень конкретных вещей. Но поскольку всю свою основную жизнь я этого не знал, более того — не задумывался, то я и не знаю истинную цену себе в дензнаках. Я могу разве что руководствоваться тем (что меня убивает): «А сколько вы платите Муськину? А тогда мне сколько?» Но это базар. Поэтому я не торгуюсь. Я просто нашел самый удобный вари-

— А вы не боитесь, Армен Борисович, того, что избегает тусовок, на которых часто

решаются многие проблемы, делаются дела, вы станете чужаком в профессиональной среде?

— Даже не думаю на эту тему, потому что отвергаю мнение, будто тусовка — часть профессии. Это шлак. Это очень истощает артистов. Дела делаются в тишине. Дела зреют долго, если это хорошие дела.

Я вам другое скажу. Только гении могут в удивительно простой фразе Гамлета — «Распалась связь времен» — заключить одну из самых страшных трагедий человечества. Об этом много еще можно говорить и долго думать, но три слова... «Распалась связь времен». Фрейд в этом, Ницше, геника. В животном мире этого нарушения нет.

— Интересная мысль. Над этим стоит подумать.

— Долго, долго. Причем мне тоже. Помните, как у Данте: «Земную жизнь пройдя до середины, я заблудился в сумрачном лесу». Вот я тоже заблудился. Я знаю много. Но каждый день потрясуюсь, например, сумасшедшей фразе Ницше: «Падающего толкни». Сумасшедшая мысль! Ее надо всю жизнь думать. Но он был прав.

Мы всегда упускаем роль физиологии в жизни человека. Вот когда я смотрю на какую-нибудь личность, думаю: «А как у него желудок работает?» Потому что это не может быть отделено от мысли, от философии. Этого еще никому в мире не удавалось — отдельно. Когда читаешь

письма Маркса к жене, понимаешь, что это же эротическая литература. «Я пронул это ночью... Как я хочу тебя», — писал он, и это незримо вошло в «Капитал». Знаете, когда я вижу супругов, мне всегда интересно: что их связывает?

— А вас что связывает с вашей женой?

— (Очень хорошая пауза.) Я думаю, но я не скажу то, что я думаю. Хотеть и знать — это большая разница. Вы вырвали у меня признание быть откровенным, но все равно я могу быть в словах не откровенен. В данном случае я буду выбирать слова.

— Я не ошибусь, если скажу, что вы застегнуты на все пуговицы, молнии и огромный ржавый замок, ключ от которого, даже вам не известно, где лежит?

— Ни в коем случае. Но я не хочу подбирать слова к тому, к чему нельзя их подобрать.

— А почему вы носите в бумажнике фотографию только вашего кота Фила?

— Потому что я с ним наиболее голый. Во всех остальных случаях, хочу я этого или не хочу, даже во взаимоотношениях с самыми близкими людьми, преданными, родными, хоть на миллиграмм, но есть некая условность. А с Филом это-

го не бывает. Вот вчера ночью он меня разбудил, чувствую, чего-то хочет. Я ему предложил покушать. Не захотел. А выяснилось, что он хочет, чтобы я его взял на руки. И так он распластался на мне (показывает, как Фил оккупировал живот и грудь А. Б.). Я его так тер, гладил. И он пел, пел. Случае этого ничего нет. Потому что это самое натуральное. Не одна самая интеллектуальная беседа не может сравниться с тем, как я ему массировал живот, и с тем, как он царапал когтями. Сложнее этого ничего нет на свете. Это я понял, прожив много лет.

— Мне всегда было интересно поведение людей в экстремальных ситуациях. Скажите, пожалуйста, как вам удалось пережить трагедию, которая случилась четыре года назад, — гибель дочери?

— (Пауза.) Пережить... Это трудно сказать, потому что я живу, я продолжаю жить. И если я живу, то это хочу превратить в часть своей жизни. Я имею в виду не страдания, не формальное соблюдение всех ритуалов по этому поводу. (Когда это вошло в меня, я понял варварство многих ритуалов, связанных с горем.)

В те дни, когда это случилось, я обнаружил две потрясающие вещи. Я постоянно видел себя со стороны. Это не мистика: человек во времени и пространстве. И второе... Это было в декабре; может быть, я плохо оделся. Но у меня замерзли ноги. Жутко замерзли. Теперь мы можем копаться в рассуждениях и говорить: «И это меня отвлекло». Ерунда! Но они жутко замерзли.

Я часто привожу пример своим ребятам, студентам. Я приехал на станцию теобслуживания. Это было до того, как я узнал настоящее горе. И там не было какой-то детали, даже на складе. И бригадир, грузин, хороший парень, сказал слесарю: «Сними ее с «Волги», у меня есть дома. Принесу — поставим». Для автомобилиста это все равно что вместо тебя кто-то пошел на виселицу. Я говорю: «Спасибо. Могу вас в театр пригласить». А он: «Мы так любим с женой театр, но сейчас у нас ребенок маленький», — и лицо его так засияло: «Год назад у нас сын умер от белокровия. А теперь у нас маленький есть».

Все это он говорит под знаком улыбки. Что произошло, если разобраться? Мы все знаем монолог Гамлета: «Быть или не быть, вот в чем вопрос, что благородней духа...» И очень мало людей знает, как он заканчивается. А заканчивается он совершенно паразитично:

Так трусами нас делают раздумья, И так решимости природный цвет Хиреет под налетом мысли бледной, И начинанья, взнесшиеся мощно, Сворачивая в сторону свой путь, Теряют имя действия...

Так вот что он делал, это парень? Он радостью существования своего маленького ребенка убирал горе. Не раздумывая.

— Это было самое страшное событие, которое вы пережили за свою жизнь?

— Да. Я могу вам сказать это со всей откровенностью. И сейчас на очень многое, что касается этой грустной темы, я стал смотреть иначе. Я видел замечательный документальный фильм, который сделали англичане о ленинканском землетрясении. Они взяли в герои картины семью, которая во время землетрясения потеряла дочь и теперь ждет рождения нового ребенка. Они сняли роды так обнаженно, что не стыдно. И там одна женщина, мудрая армянка, говорит: «Что делать, смерть ведь тоже для человека».

Мой друг академик Бодяля в первые дни, когда это случилось, сказал мне: «Спишь все. Читай». «Какое чтение?» — подумал я, а потом понял, что в этом «читай» было «живи», «не умирай». Что-то «теряет имя действия». Вот так.

— Вам никогда не приходило в голову, что если бы вы не стали актером, то были бы философом?

— (Смеется.) А я считаю, что моя профессия более чем философская. Она — попытка способом коморошества, эзопова языка говорить о тех же вещах, о которых толкуют философы. Только актеры придуриваются, чтобы не было скучно. Точнее, чтобы задевало. «Ха, ха, ха, смотри». (Изображает зрителя.) «Стоп, а чего это я смеюсь, когда...» Вот это хороший способ проникнуть в человека, в его проблемы. Причем мне всегда обидно бывает, когда говорят: «Слушайте, вы для актера такой умный». Актер, может, и не сумеет изложить свои мысли, но он... «Николай Гриценко, — говорят мне, — я же с ним снимался. Это был такой дурак в жизни». Да это не правда! Дурак не мог такие вещи делать, какие делал Гриценко. Он был одарен иначе. Он не мог с вами сидеть и говорить умно...

— Как вы, например?

— (Очень долго смеется.) Или Василий Васильич Меркурьев. Один раз я с ним в жизни снимался. Гений! Он не рассуждал, не философствовал, потому что одарен был иначе. Наша профессия умнее, чем о ней думают люди. Но что гораздо, мне кажется, важнее — по воздействию она гораздо эффективнее, чем какая-то философская книга.

— Мне кажется, что если бы у вас хватило средств, то вы наверняка купили бы необитаемый остров и уехали туда.

— Наезжал, скорее. Я бы там собак завел. Лошади мне очень нравятся. Смотреть хорошо на них.

— А как бы вы назвали этот остров — Джигарханяния или просто остров Джиг? — (Очень долго смеется.) Нет. Никакой Джигарханянии-манянии. Это уже вот мы начинаем тусовкой заниматься. А не жить. Как называть, кого позвать — это становится почему-то главным в нашей жизни. А главное — от одного сердца к другому, как говорил Феллини.

...А этот букетик ландышей... давайте считать, что он от меня.

Фото Александра ИЗОТОВА.

ДЖИГАРХАНЯНИЯ-МАНЯНИЯ ОТМЕНЯЕТСЯ

решаются многие проблемы, делаются дела, вы станете чужаком в профессиональной среде?

— Даже не думаю на эту тему, потому что отвергаю мнение, будто тусовка — часть профессии. Это шлак. Это очень истощает артистов. Дела делаются в тишине. Дела зреют долго, если это хорошие дела.

Я вам другое скажу. Только гении могут в удивительно простой фразе Гамлета — «Распалась связь времен» — заключить одну из самых страшных трагедий человечества. Об этом много еще можно говорить и долго думать, но три слова... «Распалась связь времен». Фрейд в этом, Ницше, геника. В животном мире этого нарушения нет.

— Интересная мысль. Над этим стоит подумать.

— Долго, долго. Причем мне тоже. Помните, как у Данте: «Земную жизнь пройдя до середины, я заблудился в сумрачном лесу». Вот я тоже заблудился. Я знаю много. Но каждый день потрясуюсь, например, сумасшедшей фразе Ницше: «Падающего толкни». Сумасшедшая мысль! Ее надо всю жизнь думать. Но он был прав.

Мы всегда упускаем роль физиологии в жизни человека. Вот когда я смотрю на какую-нибудь личность, думаю: «А как у него желудок работает?» Потому что это не может быть отделено от мысли, от философии. Этого еще никому в мире не удавалось — отдельно. Когда читаешь

письма Маркса к жене, понимаешь, что это же эротическая литература. «Я пронул это ночью... Как я хочу тебя», — писал он, и это незримо вошло в «Капитал». Знаете, когда я вижу супругов, мне всегда интересно: что их связывает?

— А вас что связывает с вашей женой?

— (Очень хорошая пауза.) Я думаю, но я не скажу то, что я думаю. Хотеть и знать — это большая разница. Вы вырвали у меня признание быть откровенным, но все равно я могу быть в словах не откровенен. В данном случае я буду выбирать слова.

— Я не ошибусь, если скажу, что вы застегнуты на все пуговицы, молнии и огромный ржавый замок, ключ от которого, даже вам не известно, где лежит?

— Ни в коем случае. Но я не хочу подбирать слова к тому, к чему нельзя их подобрать.

— А почему вы носите в бумажнике фотографию только вашего кота Фила?

— Потому что я с ним наиболее голый. Во всех остальных случаях, хочу я этого или не хочу, даже во взаимоотношениях с самыми близкими людьми, преданными, родными, хоть на миллиграмм, но есть некая условность. А с Филом это-

го не бывает. Вот вчера ночью он меня разбудил, чувствую, чего-то хочет. Я ему предложил покушать. Не захотел. А выяснилось, что он хочет, чтобы я его взял на руки. И так он распластался на мне (показывает, как Фил оккупировал живот и грудь А. Б.). Я его так тер, гладил. И он пел, пел. Случае этого ничего нет. Потому что это самое натуральное. Не одна самая интеллектуальная беседа не может сравниться с тем, как я ему массировал живот, и с тем, как он царапал когтями. Сложнее этого ничего нет на свете. Это я понял, прожив много лет.

— Мне всегда было интересно поведение людей в экстремальных ситуациях. Скажите, пожалуйста, как вам удалось пережить трагедию, которая случилась четыре года назад, — гибель дочери?

— (Пауза.) Пережить... Это трудно сказать, потому что я живу, я продолжаю жить. И если я живу, то это хочу превратить в часть своей жизни. Я имею в виду не страдания, не формальное соблюдение всех ритуалов по этому поводу. (Когда это вошло в меня, я понял варварство многих ритуалов, связанных с горем.)

В те дни, когда это случилось, я обнаружил две потрясающие вещи. Я постоянно видел себя со стороны. Это не мистика: человек во времени и пространстве. И второе... Это было в декабре; может быть, я плохо оделся. Но у меня замерзли ноги. Жутко замерзли. Теперь мы можем копаться в рассуждениях и говорить: «И это меня отвлекло». Ерунда! Но они жутко замерзли.

Я часто привожу пример своим ребятам, студентам. Я приехал на станцию теобслуживания. Это было до того, как я узнал настоящее горе. И там не было какой-то детали, даже на складе. И бригадир, грузин, хороший парень, сказал слесарю: «Сними ее с «Волги», у меня есть дома. Принесу — поставим». Для автомобилиста это все равно что вместо тебя кто-то пошел на виселицу. Я говорю: «Спасибо. Могу вас в театр пригласить». А он: «Мы так любим с женой театр, но сейчас у нас ребенок маленький», — и лицо его так засияло: «Год назад у нас сын умер от белокровия. А теперь у нас маленький есть».

Все это он говорит под знаком улыбки. Что произошло, если разобраться? Мы все знаем монолог Гамлета: «Быть или не быть, вот в чем вопрос, что благородней духа...» И очень мало людей знает, как он заканчивается. А заканчивается он совершенно паразитично:

Так трусами нас делают раздумья, И так решимости природный цвет Хиреет под налетом мысли бледной, И начинанья, взнесшиеся мощно, Сворачивая в сторону свой путь, Теряют имя действия...

Так вот что он делал, это парень? Он радостью существования своего маленького ребенка убирал горе. Не раздумывая.

— Это было самое страшное событие, которое вы пережили за свою жизнь?

— Да. Я могу вам сказать это со всей откровенностью. И сейчас на очень многое, что касается этой грустной темы, я стал смотреть иначе. Я видел замечательный документальный фильм, который сделали англичане о ленинканском землетрясении. Они взяли в герои картины семью, которая во время землетрясения потеряла дочь и теперь ждет рождения нового ребенка. Они сняли роды так обнаженно, что не стыдно. И там одна женщина, мудрая армянка, говорит: «Что делать, смерть ведь тоже для человека».

Мой друг академик Бодяля в первые дни, когда это случилось, сказал мне: «Спишь все. Читай». «Какое чтение?» — подумал я, а потом понял, что в этом «читай» было «живи», «не умирай». Что-то «теряет имя действия». Вот так.

— Вам никогда не приходило в голову, что если бы вы не стали актером, то были бы философом?

— (Смеется.) А я считаю, что моя профессия более чем философская. Она — попытка способом коморошества, эзопова языка говорить о тех же вещах, о которых толкуют философы. Только актеры придуриваются, чтобы не было скучно. Точнее, чтобы задевало. «Ха, ха, ха, смотри». (Изображает зрителя.) «Стоп, а чего это я смеюсь, когда...» Вот это хороший способ проникнуть в человека, в его проблемы. Причем мне всегда обидно бывает, когда говорят: «Слушайте, вы для актера такой умный». Актер, может, и не сумеет изложить свои мысли, но он... «Николай Гриценко, — говорят мне, — я же с ним снимался. Это был такой дурак в жизни». Да это не правда! Дурак не мог такие вещи делать, какие делал Гриценко. Он был одарен иначе. Он не мог с вами сидеть и говорить умно...

— Как вы, например?

— (Очень долго смеется.) Или Василий Васильич Меркурьев. Один раз я с ним в жизни снимался. Гений! Он не рассуждал, не философствовал, потому что одарен был иначе. Наша профессия умнее, чем о ней думают люди. Но что гораздо, мне кажется, важнее — по воздействию она гораздо эффективнее, чем какая-то философская книга.

— Мне кажется, что если бы у вас хватило средств, то вы наверняка купили бы необитаемый остров и уехали туда.

— Наезжал, скорее. Я бы там собак завел. Лошади мне очень нравятся. Смотреть хорошо на них.

— А как бы вы назвали этот остров — Джигарханяния или просто остров Джиг? — (Очень долго смеется.) Нет. Никакой Джигарханянии-манянии. Это уже вот мы начинаем тусовкой заниматься. А не жить. Как называть, кого позвать — это становится почему-то главным в нашей жизни. А главное — от одного сердца к другому, как говорил Феллини.

...А этот букетик ландышей... давайте считать, что он от меня.

Фото Александра ИЗОТОВА.